

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (165.5)

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ¹

А. Б. Аникина

Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
lieda27@gmail.com

А. Л. Каулинь

Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
a.kaulin2011@yandex.ru

Аннотация. Среди представителей общественных наук преобладает мнение о том, что именно научная история должна определять политику памяти и служить образцом для нарративов коллективной идентичности. Однако следует помнить, что память и история, несмотря на близкое родство, имеют разные цели и выполняют разные функции в обществе. Историческая наука не может определять коллективную память, но должна участвовать в формировании политики памяти. Задача исторической политики состоит как раз в том, чтобы отсеять множественность для того, чтобы обеспечить возможность для действия, в то время как задача исторической науки в целом – сохранять и приумножать потенциал множественности для обеспечения широты выбора возможных действий.

Ключевые слова: теория истории, политика памяти, коллективная память, П. Рикёр, нарративный шаблон, воспоминание.

Для цитирования: Аникина, А. Б., Каулинь, А. Л. (2021). Историческая наука и политика памяти. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 1. С. 5-13. DOI: 10.47850/RL.2021.2.1.5-13.

THE HISTORIOGRAPHY AND THE POLITICS OF MEMORY

A. B. Anikina

Novosibirsk State University (Novosibirsk)
lieda27@gmail.com

A. L. Kaulin

Novosibirsk State University (Novosibirsk)
kaulin2011@yandex.ru.

Abstract. The prevailing opinion among the scholars is that history as a study should determine the politics of memory and serve as a model for the narratives of collective identity. However, it should be remembered that memory

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00801. «Концепция тройственного мимесиса П. Рикёра как основание верифицируемости исторических нарративов».

The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00801 “The Concept of the Tripartite Mimesis of P. Ricoeur as the Basis for Verification of Historical Narratives”.

and history, despite their close relationship, have different goals and realize different functions in society. Historical science cannot define the collective memory, but must participate in shaping the politics of memory. The task of historical politics is precisely to cut off multiplicity in order to provide an opportunity for action, while the task of historical science as a whole is to preserve and increase the potential of multiplicity to provide a wide choice of possible actions.

Keywords: theory of history, politics of memory, collective memory, P. Ricoeur, narrative template, recollection.

For citation: Anikina, A. B., Kaulin, A. L. (2021). The Historiography and the Politics of Memory. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 1. pp. 5-13. DOI: 10.47850/RL.2021.2.1.5-13.

Вопрос о соотношении исторической науки и политики памяти включает разные аспекты: могут ли историки вмешиваться в политику памяти? должна ли историческая наука в пределе определять коллективную память? Следует ли в осуществлении политики памяти ориентироваться на нарративы научной истории?

Например, известный специалист по политике памяти О. Малинова утверждает, что «Конечно, разработка нарратива(ов) национального прошлого – это прежде всего задача профессиональных историков, однако и политическая элита должна выполнять свою часть работы, включая в публичный оборот символы, связанные с событиями прошлого, и участвуя в их реинтерпретации» [Малинова, 2012, с. 388]. Противоречивость этого утверждения состоит как раз во множественном числе: историческая наука на сегодняшний день не может предложить единого нарратива национального прошлого, не имеет методологических оснований для его выработки, а многие полагают, что и не должна иметь такой цели. В то время, как для государственной политики на каждом этапе развития требуется единый связный нарратив, а идентичность должна быть более-менее однозначной, тогда как отсутствие таковой характеризуется как «кризис идентичности». Процесс конкуренции и выбора между различными версиями национального нарратива – и есть политика памяти.

Однако мнение о том, что именно научная история должна определять коллективную идентичность общества преобладает в отечественной науке. Такой взгляд, конечно, находит поддержку у рационально мыслящих людей: ведь если идентичность и память определяют способность субъекта адекватно реагировать на обстоятельства, то необходимо, чтобы они опирались на реальный опыт, а именно историческая наука сохраняет интенцию достоверности. Однако существующая практика обращения с прошлым в современном обществе (не только в России, но и в мире) показывает обратное.

Это особенно заметно, если посмотреть на проблему через призму отношений истории и памяти. В первой половине XX века история, лишь недавно утвердившаяся в своем статусе научной дисциплины, действовала как бы против памяти. Субъективная, обманчивая природа последней противоречила требованиям объективных наук, изучающих общие закономерности. Хотя история и вынуждена была опираться на память, последняя оставалась не более чем свидетельством, нуждающимся в проверке, критической оценке и интерпретации историка. Историк был тем, кто решал, должен ли сохраниться тот или иной факт в истории сообщества (как правило, нации), все остальные факты были частным делом памяти отдельных групп.

Памяти в свою очередь приходилось бороться с унифицирующим воздействием истории, стремившейся объединить все народы в один нарратив (марксистский, шпенглеровский, прогрессистский и прочие), дав им общую судьбу, цель и прошлое с одинаковыми для всех этапами развития. Противостоя подобной унификации, стала пробуждаться память неевропейских народов и меньшинств. П. Нора в известной статье «Всемирное торжество памяти» назвал этот процесс «демократизацией истории», подразумевая под этим предоставление права на место в истории тем, кто раньше был его лишен, начиная от всех неевропейских народов и женщин до маргинальных сообществ [Нора, 2005].

Обретение собственного прошлого для различного рода меньшинств стало условием утверждения их идентичности. Первоначально это происходило на почве живой памяти их представителей: мы помним себя, отцов, мы (или они) страдали, мы оказались в какой-то ситуации и хотим понять, почему? По мнению Нора, изначально в расширении прав памяти доминировал позитивный призыв к эмансипации и равенству. По словам Рикёра память «явилась как отмщение униженных и оскорбленных, история тех, кто не имел права на историю. Если память и не гарантировала истины, она гарантировала верность» [Рикёр, 2004, с. 133].

То значение, какое придавалось лично пережитым страданиям, привело к пересмотру отношения к памяти, которая теперь проявляла «претензию на истину более «истинную», чем истина истории: истину живой памяти о пережитом», что обернулось сакрализацией памяти, которая «превращается в форму замкнутости, мотив исключения и орудие войны» [Там же, с. 135].

Поэтому многие историки сегодня продолжают критиковать память как то, что должно быть преодолено с помощью критического инструментария историка, уже в ответ на это «торжество памяти». Например, А. Мегилл рассуждает, что в случае конфликтов между группами споры не могут быть разрешены на основе обращения к памяти о том, с чего все началось и кто виноват: одна группа «помнит» одним образом, другая – другим. Апелляции к прошлому положению дел являются нерелевантными любым актуальным проблемам: «“память” одновременно и подстрекает к таким конфликтам, и является признаком неспособности вовлеченных в него людей справиться с причинами конфликта в той конкретной ситуации, в которой они живут» [Мегилл, 2007, с. 127]. В этом случае необходимое решение противоречия между конфликтующими «воспоминаниями» может быть найдено только на другом уровне, где действуют не мнемонические критерии, а, например, критерии исторической достоверности. Близкую позицию высказывает К. Помян в статье «От истории, части памяти, к памяти, части истории» [Romian, 1998].

На противостояние истории и памяти наложилась критика репрезентативных возможностей истории в результате многочисленных «поворотов» (лингвистического, семиотического, нарративного и т. п.), в результате которых распространилось мнение о непреодолимо субъективном характере истории. В итоге возникает искушение поставить знак равенства между историей и памятью, или представить историю как «практику культурного воспоминания», как утверждает Е. И. Махотина, когда ставит вопрос «Является

ли историография тоже лишь формой коллективного воспоминания?». Отвечая на него, Махотина пишет: «Взгляд на историю как часть культуры воспоминания больше не является спорным» (ссылаясь на высказывание П. Берка, что «ни история, ни память не являются больше объективными») [Махотина, 2018, с. 77-78].

Но проблема состоит в том, что под словом «воспоминание» могут подразумеваться очень разные явления. Например, воспоминание как собственно содержание памяти, то, что в ней запечатлено. То, что история никак не является формой коллективного воспоминания, можно проиллюстрировать на примере защиты докторской диссертации К. Александрова (хотя найти подобных примеров можно много, например, скандальная выставка «Enola Gay», посвященная 50-летию атомной бомбардировки Японии). Диссертация об офицерах Русской освободительной армии А. Власова, которая воевала на стороне Германии в Великой Отечественной войне, вызвала большой (для события такого рода) общественный резонанс. На защите выступил Михаил Фролов, профессор ЛГУ имени Пушкина, участник войны с показательным заявлением: «Диссертация служит уничтожению памяти о великой Победе» (цит. по изданию «Фонтанка» [Кузнецова, 2016]). Такой тип наступления на историю обозначил Пьер Нора, отмечая, что «Слово “память” получило такой общий и экстенсивный смысл, что имеет тенденцию вообще попросту вытеснить слово “история” и поставить занятия историей на службу памяти. [Нора, 2005, с. 129].

Однако не все воспоминания одинаково легко извлекаются из памяти, некоторые нужно еще **вспомнить**, разыскать, опираясь на какие-то зацепки, напоминания, свидетельства. И в этом смысле история вполне может быть частью культуры **вспоминания**. Такое различие между «трудным» и «моментальным воспоминанием» проводит А. Бергсон: трудное воспоминание – это явная форма интеллектуального усилия, в то время как моментальное не требует от сознания никаких усилий [Бергсон, 2014].

Опираясь на это различие, П. Рикер также выстраивает свою классификацию феноменов памяти. Он противопоставляет воскрешение в памяти (evocation) и разыскание (recherche) в памяти. Воскрешение – произвольно пришедшее воспоминание (Аристотель считал его чувством «pathos»), разыскание в памяти – это результат интеллектуального усилия. Эти два полюса соотносятся с такими явлениями как привычка и память. Привычка характеризуется автоматизмом и не требует интеллектуальных усилий, в то время как воспоминание вызывается к жизни процессом **вспоминания**, требующим воображения, и в этом смысле близким к процессу изобретения. Мгновенное воскрешение образа прошлого вызывается каким-либо воздействием: запахом, памятным предметом. Воспоминание вызывается затруднением: нужно осознать, что нечто забыто, и целенаправленно приложить усилие для восстановления упущенного памятью [Рикер, 2004].

На этом противопоставлении автоматизма и рефлексивности Рикер выстраивает свою концепцию истории как научной наследницы памяти, утверждая идею их независимости и взаимной дополнительности. Рикер пытается избежать обеих крайностей: и порицания памяти, как способности к адекватной репрезентации прошлого, и принижения истории перед лицом достоверных свидетельств. Его позиция состоит в том, что, хотя история может (и должна) дополнить, уточнить или даже опровергнуть свидетельство памяти относительно

прошлого, но она не в состоянии упразднить память. Причина этому с одной стороны кроется в онтологии, поскольку, несмотря на социальную и культурную обусловленность, вопреки всем подозрениям и ловушкам воображения, можно утверждать, что специфическая потребность в истине имплицитна нацеленности на прошлую вещь. [Ricoeur, 2000, p. 66]. Самая первая функция памяти – это способность к усвоению получаемого опыта, и для выживания организма очень важно, чтобы опыт действительно запомнился, и чтобы запомнился именно он. В силу этого память сохраняет нацеленность на мир, на реальный опыт, поэтому история не должна противопоставляться памяти.

С другой стороны, причина неустраимости памяти кроется в этике: память децентрирует исторического субъекта, она позволяет увидеть прошлое в разнообразии и в итоге расширяет коллективный исторический опыт. При сохранении корректирующей роли истории, память сохраняет этот освобождающий, демократизирующий, антирепрессивный импульс, о котором писал П. Нора. Память охраняет в первую очередь человеческое измерение глобальных построений ученых. Рикёр утверждает симметричность двух составляющих одного процесса осмысления прошлого. С одной стороны это историзация памяти, то есть рассмотрение ее как феномена культуры, подверженного историческим изменениям, как и любой другой феномен. Такой подход к памяти инициирует встречный процесс, «в котором история осуществляет свою корректирующую истинностную функцию в отношении памяти, постоянно выполняющей по отношению к ней свою функцию матрицы» [Рикёр, 2004, с. 546-547]. Наказ помнить должен быть дополнен дистанцированным и критическим взглядом историка.

Концепция Рикера интересным образом перекликается с подходом Джеймса Верча к национальной памяти, как к системе «быстрого мышления» [Верч, 2017]. Верч опирается на метафору двух систем мышления, как их описывает Д. Канеман:

- Система 1 (быстрое мышление) срабатывает автоматически и очень быстро реагирует на ситуацию, не требуя или почти не требуя усилий и не давая ощущения намеренного контроля (примером действия быстрого мышления может быть приветствие человека, чье лицо показалось знакомым, хотя через секунду уже приветствующий может вспомнить, что когда-то поссорился с этим человеком и дал себе слово больше не общаться с ним). Система 1 нередко делает ошибки, но позволяет экономить энергию, потребляемую мозгом в большом количестве.

- Система 2 (медленное мышление) выделяет внимание, необходимое для сознательных умственных усилий, позволяет изменить устоявшиеся взгляды и образ действий. Действия Системы 2 часто связаны с субъективным ощущением деятельности, выбора и концентрации. [Канеман, 2016, с. 31].

Верч вводит понятие нарративного шаблона как обобщенной схемы, обуславливающей организацию событий в нарративах коллективной памяти. Примечательно, что Верч говорит о памяти как о «коллективном припоминании», что подразумевает активный характер процесса. Но в его концепции коллективное припоминание опирается на специфический набор нарративных шаблонов как на «привычное средство для производства быстрых, почти

автоматических суждений, которые обычно не подвергаются сознательной рефлексии Системы 2» [Верч, 2017].

Проводя аналогию с концепцией Рикера, можно сказать, что нарративные шаблоны представляют собой привычку мышления, а не воспоминания о чем-то прошлом. Если нарративы национальной памяти основываются исключительно на такой привычке, тогда они становятся скорее «автоматическими воспоминаниями». Можно далее рассмотреть, что это подразумевает в концепции Рикёра: отсутствие чувства дистанции между настоящим и прошлым, отсутствие чувства сомнения, а значит активного визирующего воображения, позволяющего конфигурировать адекватные воспоминания. Но и в терминах *memory studies* очевидно, что такая ситуация пагубно отражается на способности общества решать свои проблемы и взаимодействовать с соседями. Верч полагает, что в противоположность нарративным шаблонам коллективным припоминанием должна управлять Система 2 с опорой «на рефлексию и тщательный анализ свидетельств», которые должны помочь «избежать поспешных заключений, внушаемых нарративным шаблоном» [Верч, 2017]. В терминологии Рикёра речь в таком случае идет о разыскании «трудных воспоминаний». Естественно предположить, что «рефлексией и анализом свидетельств» должна заниматься в первую очередь историческая наука, осуществляя таким образом свою критическую функцию по отношению к памяти.

Вопрос о том, должна ли историческая наука определять коллективную память, редко ставится прямо в трудах ученых, но очень часто подразумевается позитивный ответ на него. Показательной является статья М. Ф. Румянцевой «Историческая память и презентация истории», где автор сразу прямо утверждает, что «актуальная функция исторической науки – предложить социуму наиболее эффективный и адекватно отвечающий его потребностям способ конструирования идентичности / формирования общей социальной памяти» [Румянцева, 2017, с. 18]. Сразу следом М. Ф. Румянцева высказывает сомнение в том, что историк имеет на это право, особенно в силу того, что его построения субъективны. В последующих рассуждениях о том, как можно преодолеть «произвол историка», подразумевается, что, если найти решение этой проблемы, то историк приобретает монополию на социальную память [Там же].

Однако выбор, какой именно способ конструирования идентичности является «наиболее эффективным и отвечающим потребностям социума» остается делом социума, но и историка тоже, как его члена. Поль Рикёр полагал, что спор между памятью и историей не может быть выигран с помощью только эпистемологических процедур. В своей концепции он переносит его на другую сцену – сцену, принадлежащую читателю истории, которая вместе с тем является и сценой рассудительного гражданина. «Получатель исторического текста должен и лично, и в плане публичной дискуссии поддерживать равновесие между историей и памятью» [Рикёр, 2004, с. 691]. Эта ответственная роль возлагается на адресата истории потому, что он вместе с тем является и действующим лицом истории, несущим ответственность за последствия.

Конечно, применительно к реалиям соотношения памяти и истории в России, выбор, который делают субъекты истории, заставляет тревожиться представителей исторической

науки. Тем не менее, эта та реальность, с которой необходимо работать, как оптимистично заключает в своей статье И. И. Курилла «историков России ожидает ... сложная, но интересная борьба за историю» [Курилла, 2014]. Делом исторической науки может быть участие в формировании институтов и механизмов осуществления этого выбора в социуме. Характерной чертой ориентации субъекта в современном мире является множественность возможных стратегий действия (как на уровне индивидуальных, так и на уровне коллективных субъектов): действия не предопределены религиозными, социальными, культурными, гендерными и иными стереотипами. Залогом эффективности деятельности является возможность переключения между этими стратегиями, которая проистекает из различных способов переоценки ситуации, смены объяснительных моделей, тесно связанных с используемыми нарративами.

Методологической реальностью исторической науки сегодня является множественность версий прошлого; предположительно, полноту репрезентации прошлого создает именно возможность переключения между различными нарративами. Задача исторической политики состоит как раз в том, чтобы отсечь множественность для того, чтобы обеспечить возможность для действия, в то время как задача исторической науки в целом – сохранять и приумножать потенциал множественности для обеспечения широты выбора возможных действий. Таким образом, историческая наука и коллективная память оказываются частями одной системы сохранения социального опыта и определения субъектом собственного места в мире. Они соперничают между собой за ресурсы общества, и обе они не лишены достоинств и недостатков, но главной проблемой оказываются не их недостатки, а стремление подменить историю памятью и наоборот.

Список литературы / References

Бергсон, А. (1914). Интеллектуальное усилие. *Собр. соч. в 5 т.: Т. 4. Вопросы философии и психологии*. СПб. М. И. Семенов. С. 141-189.

Bergson, A. (1914). An Intellectual effort. In: *Collected works in 5 volumes. Vol. 4. Questions of philosophy and psychology*. St. Petersburg. M. I. Semenov. pp. 141-189. (In Russ.)

Верч, Дж. (2018). Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины. *Историческая экспертиза*. № 2(15). С. 15-32.

Wertsch, J. (2018). Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine. *The Historical Expertise*. no 2(15). pp. 15-32. (In Russ.)

Канеман, Д. (2016). *Думай медленно... решай быстро*. М. АСТ. 653 с.

Kahneman, D. (2016). *Thinking, fast and slow*. Moscow. 653 p. (In Russ.)

Кузнецова, Е. (2016). Защита с генералом Власовым [Электронный ресурс]. *Фонтанка.ру*. URL: <https://www.fontanka.ru/2016/03/01/173/> (дата обращения: 8.02.2021).

Kuznetsova, E. (2016). Defense with General Vlasov [Online]. *Fontanka.ru*. Available at: <https://www.fontanka.ru/2016/03/01/173/> (Accessed: 08 Feb. 2021) (In Russ.)

Курилла, И. И. (2014). История и память в 2004, 2008 и 2014 годах. *Отечественные записки*. № 3(60). С. 36-43.

Kurilla, I. I. (2014). History and memory in 2004, 2008 and 2014. *Otechestvennye zapiski*. no. 3(60). pp. 36-43. (In Russ.)

Малинова, О. Ю. (2012). Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий). *Историческая политика в XXI веке*. М. НЛЮ. С. 368-395.

Malinova, O. Yu. (2012). The Use of the Past in Russian Official Symbolic Policy (based on the analysis of annual Presidential messages). In: *History politics in the XXI century*. Moscow. pp. 368-395. (In Russ.)

Махотина, Е. И. (2018). Нарративы музеефикации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии. *Методологические вопросы изучения политики памяти*. М.; СПб. Нестор-История. С. 75-92.

Makhotina, E. I. (2018). Narratives of Musealization, the Politics of Recollection, Memory as a Show: New Directions of Memory Studies in Germany. In: *Methodological issues of studying the politics of memory*. Moscow; St. Petersburg. Nestor-History. pp. 75-92. (In Russ.)

Мегилл, А. (2007). *Историческая эпистемология*. М. «Канон+», РООИ «Реабилитация» 480 с.

Megill, A. (2007). *Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice*. Moscow. 480 p. (In Russ.)

Нора, П. (2005). Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*. № 2. С. 202-208.

Nora, P. (2005). The Global Triumph of Memory. *Neprikosnovennyyu zapas*. no. 2. pp. 202-208. (In Russ.)

Рикёр, П. (2004). *Память, история, забвение*. М. Изд-во гуманитарной литературы. 728 с.

Ricoeur, P. (2004). *Memory, History, Forgetting*. Moscow. Publishing House of Humanitarian Literature. 728 p. (In Russ.)

Румянцева, М. Ф. (2017). Историческая память и презентация истории: неоклассическая vs классическая – неклассическая – постнеклассическая модели исторической науки. *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности*. М. Аквилон. С. 18-48.

Rumyantseva, M. F. (2017). Historical Memory and Presentation of History: Neoclassical vs Classical – Non-classical – Post-non-classical Models of historical Science. In: *The Event in History, Memory and Narratives of Identity*. Moscow. Aquillo. pp. 18-48. (In Russ.)

Pomian, K. (1998). De l'histoire, partie de la mémoire, à la mémoire, objet d'histoire. *Revue De Métaphysique Et De Morale*. no. 1. pp. 63-110.

Ricoeur, P. (2000). *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Paris. Seuil. 682 p.

Сведения об авторах / Information about the authors

Аникина Александра Борисовна – кандидат философских наук, преподаватель Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, e-mail: liedda27@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5713-3168>.

Каулинь Алена Леонидовна – студентка Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Пирогова, 1, kaulin2011@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 10.01.2021

После доработки: 15.02.2021

Принята к публикации: 25.02.2021

Anikina Alexandra – Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer at Novosibirsk State University, Novosibirsk, 2, Pirogova str., e-mail: liedda27@gmail.com

Kaulin Alena – student of Novosibirsk State University, 1, Pirogova str., Novosibirsk, kaulin2011@yandex.ru.

The paper was submitted: 10.01.2021

Received after reworking: 15.02.2021

Accepted for publication: 25.02.2021